

Франклин Анкерсмит

«ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Аннотация

Интервью с Франклином Анкерсмитом, профессором Института интеллектуальной истории (Нидерланды). Работы Анкерсмита позволили сформировать новое дисциплинарное пространство – пространство исторической теории (historical theory), которому в спектре предметных областей отечественного гуманитарного знания нет аналога, хотя бы приблизительного¹.

«Вопросы образования»: Ваша концепция исторического знания достаточно провокационна. В самом деле, вслед за Хейденом Уайтом и Артуром Данто вы последовательно обосновывали идею «отсутствия прошлого», отсутствия его самостоятельной природы, ищущей автора. Получается, согласно вашей идее, что авторскую роль выполняет сам историк, способный создать это отсутствующее прошлое в процессе собственной интерпретации?

Франклин Анкерсмит: Отвечая на ваш вопрос, я хотел бы обратиться к тому, что Артур Данто говорил о репрезентации и репрезентировании. В значительной мере репрезентация создает репрезентируемое. Следующая иллюстрация, на мой взгляд, позволяет прояснить мою мысль.

Что означало, к примеру, словосочетание «Соединенные Штаты Америки» до 1776 года? Мы вправе, конечно, сказать, что оно могло означать горы, реки и леса, которые были на американском континенте. Но такого государства, как Соединенные Штаты Америки, не существовало. И только после получения статуса независимости США возникло то, что репрезентирует это репрезентирующее.

Точно так же, говоря о коричневом цвете стола, подтверждая его существование, мы просто высказываемся относительно его качеств. Но необходимо учесть, что наше высказывание никоим образом не влияет на существование объекта, тогда как репрезентируемое в значительной степени обязано своим возникнове-

¹ Ф. Анкерсмит. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003; Ф. Анкерсмит. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

нием репрезентации. Не в смысле Платона, что репрезентация сама из ничего создает этот свой предмет, но в том смысле, что в значительной мере какие-то свойства, какие-то качества этого объекта возникают именно благодаря тому, что он представлен тем или иным образом. В таком понимании моя концепция репрезентации находится где-то в золотой середине между идеализмом и реализмом.

ВО: Выходит, вы предлагаете отказаться от традиционных описаний, от помощи языка и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого, что вызывает, бесспорно, очень важную и абсолютно новую коллизию понимания и объяснения истории. Если учесть, что это предложение звучит из уст исследователя, известного своей антипатией к феноменологической и герменевтической философии (и потому противника любых мыслительных конструкций, в которых утверждается неразрывность истории и жизни, прошлого и настоящего), то возникает вопрос: откуда взяться такому опыту и как вообще его можно себе представить?

Ф.А.: Я хотел бы пояснить, что мой отказ от необходимости видеть прошлое исключительно *sub specie* языка историографии нужно рассматривать не как разрыв, а, наоборот, как продолжение всех моих предыдущих исследований. Мое понимание истории находится в той же системе координат, но предлагает новый подход. Его логика заключается в следующем. Описание, историография для меня важны не столько как вид исторического сообщения, но главным образом как познавательный инструмент, устанавливающий и замеряющий глубину того расстояния, на котором удалены друг от друга прошлое и настоящее. Когда мы выносим прошлое на удобное для себя расстояние, превращаем его в некий объект наблюдения и в каком-то смысле приватизируем и контролируем его в собственных интересах. Поэтому так необходим опыт, в котором прошлое впервые и свободно дает себя почувствовать. На самом деле нести такой опыт могут любые события, вызывающие отчуждение от знакомого и привычного порядка вещей. Прошлое – это далеко не в первую очередь историческая интерпретация; прежде всего, это отчужденное, переставшее быть близким и понятным настоящее. Ностальгия, любые переживания от потерь и утрат, разрывающих жизненный континуум на время «до» и «после», дают нам острое ощущение непосредственного присутствия прошлого, которое всякого рода описания стараются потом лишь отдалить от нас. И доминирующая ущербность всех философских учений, в центре внимания которых была тема историчности человеческого опыта, состоит в том, что прошлое воспринимается сквозь призму языковой описательности, неизбежно накладывающей свои ограничения. Между опытом и языком не может быть никакого компромисса; триумф одного означает неизбежное поражение другого. Они яв-

ляются поистине смертельными врагами: там, где у нас есть язык, опыта нет, и наоборот.

ВО: Как ваши идеи воспринимаются западной интеллектуальной средой? Насколько благополучно они вписаны в академическую ситуацию?

Ф.А.: Мои оппоненты – в основном те исследователи, чьи попытки примирить язык и опыт для последнего оказывались малопродуктивны. На мой взгляд, к величайшему сожалению, ни Рорти, ни Гадамер не смогли разорвать этот «заколдованный круг». Тем не менее, поскольку язык, согласно Гадамеру, является «домом бытия», все, что остается на долю опыта, – это (образно говоря) работа по поддержанию «дома» в хорошем состоянии. Получается, что известное гадамеровское понятие «Wirkungsgeschichte», по сути, не означает ничего другого, как толкование исторического текста.

В этой конфликтной точке противоречий я и затеял свои штудии. Мне интересно было разобраться в том, как философы представляют прошлое. В ходе моих исследований обнаружилось, что существуют две традиции философии истории. Первая – это последовательное соотнесение репрезентации и реальности. Представляют это направление так называемые реалисты, с точки зрения которых история есть наука и вся историческая логика должна строиться по модели, по образцу точных наук. Вторая тенденция заключается в идее автономии исторической репрезентации от реальности. В лоне данной традиции, прежде всего, Хейден Уайт и его последователи, утверждающие, что история – это такой же вымысел, как и роман, как литературное произведение, которое не обязано соотноситься с реальностью, существует помимо нее. И, как я уже сказал в ответе на первую часть вашего вопроса, я считаю, что наиболее продуктивной является золотая середина: между идеалистами и реалистами.

Мы привыкли, что все теоретически нагруженные высказывания об истории либо являются прерогативой узкодисциплинарной «научной» методологии, либо относятся к сфере спекулятивного системотворчества, свободного от каких-либо обязательств перед историографией. Мне бы хотелось снять эти противоречия.

Последователей в разработке моей теории я не знаю. Это связано, пожалуй, прежде всего с тем, что философы истории всегда имеют некоторую тенденцию к экстремизму. И им трудно как-то ужиться со мной и с моим стремлением к какой-то средней позиции.

ВО: Насколько агрессивны оппоненты? И попадает ли ваша идея в зону актуальной дискуссии?

Ф.А.: Концепцию мою часто обсуждали. И мои оппоненты часто бывали достаточно враждебны, но экстремальный случай – это Макка-

лок, который даже хотел меня засудить. Я думаю, трудно быть более агрессивным.

ВО: И все-таки, если взять на вооружение предложенные вами рабочие инструменты различения опыта и знания, зачем нужны эти «уроки истории», тяжелые по большей части?

Ф.А.: Потребность в изучении истории связана с возникающим вследствие какой-либо психической, ментальной или культурной травмы отказом от привычного самовосприятия, которое вытесняется новым, может быть, окончательно не сложившимся образом себя самого. Новая идентичность нередко появляется по причине острой травмы от потери старой формы, привычного уклада вещей, и в этом состоит ее основное содержание. Другого содержания у нее, собственно, и нет; есть лишь осознание невозможности вновь обрести то, что было безвозвратно потеряно. В такой ситуации знание о прошлом оказывается единственным средством, способным объяснить нам, почему мы уже не можем быть теми, кем были раньше. Человек, нация или культурное сообщество видят свою предшествующую жизнь сквозь экран знания, которое в такой же мере дает объективную картину этой жизни, в какой выражает невозможность вновь пережить и присвоить ее. В этом заключается коренное отличие травматического опыта, дающего начало историческому знанию, от того, с которым имеет дело психоанализ. Историческую травму нельзя ни сгладить, ни заместить никаким новым положительным знанием о прошлом, потому что она сама является необходимым условием для возникновения такого знания. Бесконечное число уже написанных и пишущихся сочинений, посвященных таким ключевым событиям европейской истории, как Великая французская революция, индустриальная революция, две мировые войны или распад социалистического лагеря, говорит о том, что раны, оставленные ими, не заживают. Мы можем сказать, что наша сегодняшняя история в основном есть совокупность шрамов, оставленных вынужденным отказом от прежней идентичности, шрамов, которые никогда нельзя будет изгладить полностью и которые всегда будут вызывать в нас длительную и нескончаемую боль... Прошлое будет следовать за нами как ушедшая любовь: отсутствующая, но именно в силу этого всегда так крайне мучительно присутствующая в нас.

ВО: Зачем политику нужна история?

Ф.А.: Я думаю, что существует очень интересная связь между историей и политикой, это отразилось и на моей собственной карьере. Я начинал с философии истории, а потом через понятие репрезентации пришел к философии политики. И мне кажется, большой недостаток современной политики и философии политики заключается в недоучете истории, недостаточном внимании к истории. В связи с этим могу рассказать такой исторический анекдот. Джон

Ролз, политический философ, приехал в Кембридж на конференцию по международному праву, и его на станции встречал Раймонд Гойс, тоже политический философ, который спросил: «О чем же вы будете говорить?» Ролз ответил: «Я буду рассказывать о Вестфальском мирном договоре 1848 года». – «Позвольте, а разве он был подписан не в 1648 году?» – «А, да, действительно». Это пример того, как при решении очень острых для современного общества задач, как политических, так и философских, опасно игнорировать историю.

Но вот более близкий и практический пример этого тезиса: у нас в Нидерландах большие политические проблемы. У них долгая история. И без понимания исторических корней, при отсутствии горизонта невозможно понять сами проблемы и уж тем более справиться с ними. А современные политики абсолютно зациклены на сегодняшнем дне, они не учитывают временной перспективы и глубины вопросов, они не видят их исторического измерения. Я, например, работал с отчетами различных ведомств, посвященных проблемам приватизированных денационализированных институций. И всюду в этих документах имеется в виду только сегодняшний день, только нынешняя ситуация. Максимум год-два назад. И поэтому все, что там предлагается в качестве решений, – это абсолютно беспомощные вещи, которые не могут не только решить проблему, но даже показать подступы к ее правильному обсуждению.

ВО: На ваш взгляд, может ли история в политике играть «терапевтическую роль», быть инструментом, снимающим напряжение?

Ф.А.: Да, конечно, история играет большую роль в улаживании политических конфликтов. Я напому вам хотя бы ситуацию во Франции в XIX веке, когда существовала сильнейшая поляризация во французском обществе: одни хотели вернуться к старому порядку, а другие были намерены продолжать революцию. Где-то в середине между ними действовали доктринальные либералы. И вот эти ученые либерального направления знали, как предотвратить столкновение и гражданскую войну. Только благодаря историческому знанию можно найти способы примирения. Гизо в данном случае – прекрасный пример: человек написал 30–40 томов истории именно ради того, чтобы, изучив прошлое той и другой стороны, найти ключ к решению актуального политического конфликта.

ВО: Вы являетесь членом Государственной комиссии в Нидерландах. И в этой связи не могли бы вы рассказать о работе комиссии – некотором аналоге нашей Общественной палаты?

Ф.А.: Комиссия состоит из четырех групп, каждая из которых занимается конкретной проблемой: деятельность одной сосредото-

чена вокруг темы взаимоотношений правительства и парламента, и я вхожу именно в эту группу. Другая занимается вопросами гражданства и политических партий. Третья – вопросами конституции. Сфера деятельности четвертой – все, что связано с Европейским союзом. Действия каждой из этих четырех групп схожи: они предполагают анализ проблемы, относящейся к той или иной теме, выясняют, что не так, что подгнило в нашем королевстве, затем разрабатывают какие-то рекомендации по решению проблем. В основе этих действий заложен единый алгоритм – знание и понимание истории.

Беседовала Елена Пенская